

Виктор Астафьев стал лауреатом Российской независимой премии поощрения высших достижений литературы и искусства "Триумф". Присуждение премии совпало с завершением публикации в 12-м номере "Нового мира" второй книги романа "Прокляты и убиты" — произведения, ставшего, по мнению многих, событием в литературной жизни.

В недавнем интервью, говоря об этой работе, писатель, в частности, заметил: "Читал рукопись мой старый и верный друг по литературе Александр Михайлов, в прошлом командир саперной роты. Он сделал ряд существенных замечаний, которые я постараюсь учесть в дальнейшей работе".

Вот мы и предлагаем читателям "Труда" размышления критика Александра Михайлова о романе "Прокляты и убиты".

О романе Виктора Астафьева я выскажусь как человек, взыскующий правды. Роман о войне, я был на этой войне, кое-что видел и для себя понял, и иду к своему земному пределу с желанием, чтобы и другие о ней узнали как можно больше правды. Воспитанный в эпоху большой лжи и поныне опутанный ею со всех сторон, мы в суждениях о литературе чуть ли уже не упразднили упоминание о правде, принимая красивую ложь за "игру ума". Повторим за Твардовским — как пожелание: "Вступает правды власть святая в свои могучие права..."

Я давно ждал появления этого романа, даже поторапливал Астафьева: мол, ты не напишешь, другие фронтовики не напишут — что-то очень существенное о войне уже не будет сказано. Написано о ней немало, и правда тоже сказана, но это больше та ее часть, которая показывает героиню войны, видный — как знамя на рейхстаге! — и высоко ценный подвиг солдата. А я, кроме этого, хочу получить ответы еще на многие вопросы и среди них на главный: почему при великой стойкости и мужестве народа, героизме воинов на фронте наша победа оплачена такую безумной ценой, почему наши людские потери превышают потери противника в 4 — 5 раз?

Я и сам кое-что про это знаю, но в литературе (не говорю уж про официальную историю войны) никто к этому близко не подошел. Прикасалась. Смелее других — Юрий Бондарев. Астафьев сделал заявку в газетных выступлениях, а первая книга романа — "Чертова яма" — пролог к войне, в ней показан запасной полк, в котором готовят к фронту новобранцев глубокой осенью 1942 года. Никто еще до Астафьева не срывал покров с казенных преданий о том, как "организовано" готовился боевой резерв Красной Армии. Он показал этот таинственный дурдом, который заставляет думать: с кем будет побеждать непобедимая Красная Армия? Ответы мы знаем: с ними, с этими доходами, пришибленными тупой муштрой, пещерным уровнем боевой подготовки. Но — какой ценой? Это мы увидим во второй книге романа — "Плацдарм". Что же все-таки должно было сохраниться в этих молодых людях человеческого и что должно было произойти в урочный час, чтобы это человеческое, нравственное, укорененное в народе оказалось решающим в схватке с неприятелем?

Ответ на это мы найдем уже в "Чертовой яме". Во время уборки похороненного под снегом урожая новобранцы предстают в своем природном виде на фоне того принужденного, отупляющего существования, которое было им уготовано в запасном полку, где были созданы все условия, чтобы оболванить человека.

"Творя хлебное поле, человек сотворил самого себя". Это сказано как бы еще впрок, в предощущении смертоубийства. Вот, мол, для чего народились и живут люди, для чего Господь наделил их силой и разумом. А не для войн и смуты.

Тяжела для чтения и новая книга романа — "Плацдарм". Это тяжела познания, соперничества, возвращения (для меня) в молодость с ее кровью, смертями, страхом, падением и величием человека на войне. Все та же, да и не та астафьевская проза, погруженная от густоты краски, подробностей. Читается — и дыхание перехватывает, будто снова идешь по этой вздыбленной огнем и железом земле, преодолеваешь осеннюю воду реки. Руки сводит от холода, по сторонам рвутся снаряды, до берега далеко и на берегу — немцы, там надо отвоевать кусочек земли, плацдарм, сцепиться в него зубами, дать возможность перебраться резервам...

Часть событий подана хроникально. У Великой реки герои романа появились уже обстрелянными, а кое-кто с орденами и медалями. Дивизия генерала Лахонина, в которой они воюют, первый бой приняла в задонской степи. А после того, как немцы "задушили в петле, размесили в жидких весенних снегах шесть советских армий" (это 1943-й), дивизия на сутки задержала противника, не позволив развить наступление, а потом изрядно была потрепана под Ахтыркой. В этих боях становились солдатами герои романа. Но главное место отводится подготовке и форсированию Великой реки, завоеванию и удержанию плацдарма.

Знакомые нам по "Чертовой яме" солдаты и офицеры уже освоились на войне. Это не пришибленные лагерным режимом запасного полка доходяги, а люди, понимающие, что на войне и они кое-что значат. И — разные люди. Показывая, какие они разные, Астафьев развивает миф о воюющей Красной Армии как некоем монолите героизма и самопожертвования. Как и в любой среде, тут есть отчаюги и трусы, простофили и хитрованы, беспомощные интеллигенты и интеллигентствующие демагоги, рассудительные "хозяева" и любители пожить за чужой счет, верные товарищи, уголовники, православные христиане, агитаторы, призывающие "пойти за реку и умереть за Родину"...

Жизнь есть жизнь. Она и на фронте, на передовой не прекращается, только принимает формы выжленные, обнаженные формы. Война, оказывается, тоже работа, ратный труд, и все знакомые и незнакомые солдаты, сержанты, офицеры здесь, на войне, "не только работали, бились с врагом и умирали в боях, они тут жили собственной фронтовой жизнью, которую их противники

судьба..." Вот в чем сила и неуступчивость нашего народа: в том, что он — и такой и сякой, разный, — а в основном, в природной устойчивости и привязанности к родной земле нет ему равных. Впрочем, может, и есть, да мы-то знаем только про себя... Это и хочет сказать Астафьев: в противоестественных, чуждых его природе обстоятельствах человек все-таки остается самим собой и своим естественным предназначением опровергает чудовищную противоестественность войны.

Меня интересует правда войны и правда характеров, правда жизни на войне в том трагическом освещении, которое придали описываемым событиям Астафьев. Он высоко поднял планку первой книгой, так что любая "литература", вроде чтения стихов Мережковского майором Зарубиным, выступает наружу, как сахар прошлогодного варенья. Но Астафьев все-таки бесподобен в создании живых характеров — в пластике, в естестве, в жестах, в слове. Вот ротный Оськин, с кличкой Герка — горный бедняк: перед переправой, "расплывывая семечки, наставляет окружающее воинство:

— Значит, главное — вперед. Вперед и вперед. За спину товарищей под берегом не спрячаться, ходу назад нам нету... Пулю поймает — глотай, пока горяча, которая верткая, через жопу выдет... Ха-ха-ха-ха!.. Ясно? Ни хера не ясно. Делать все следом за мной. Ну я... я тоже не заговоренный. Тюкнул меня — все одно вперед и вперед..." Таким верили, за ними шли, хотя такие лихачи могли и беда натворить, как тот командир взвода, что раньше времени начал переправу и тем нарушил ход операции.

А Лешка Шестаков, глядя на вздыбленную разрывами бомб воду реки, думает: "Всех карасей поглотит!" Он и на войне — хозяин, работник. Но когда гребет на своей дырявой посудине по Великой реке, он — всегда участливый к людям — бьет по рукам веслом целующихся за борт солдат, отправляя их на дно, иначе не доплывет, иначе плацдарм не будет иметь телефонной связи.

А в воду идут всех — и тех, кто вообще не умеет плавать, и кто не имеет никаких "плавсредств", кроме набитой трухлявой соломой плащ-палатки, тут же набиравшей воды и гибельно утягивавшей на дно воина с его боеприпасом... Те же, кто достигал правого берега и цеплялся в него под огнем пулеметов и автоматов, не имели сил отодраться от земли, и только мат и затрепанные ротоного Оськина, его волевым сверхусилием поднимало остатки роты.

Батальные сцены с их физиологическими подробностями могли бы показаться натуралистическими, если бы весь этот кромешный ад, этот хаос и смертоубийство укладывались в гармонию победного сражения. Здесь другое: победа добывается не столько искусством полководцев, тщанием подготовки, военной хитростью и обеспечением переправы, сколько человеческими жизнями — несть им числа. На седьмой день переправы "видно стало, как много погибло народу... Берега, заостровка, отмели, стрелка и охвостье острова, все заливы, излучины были засвалены черными, раздутыми трупами, по реке тащило старое, замытое тинной лоскутье, в котором, уже безразличные ко всему, вниз лицом куда-то плыли мертвецы".

Героизм у Астафьева тоже не видный, не на миру. Сюжет с Буддаковым уж как напрашивается на героическую концовку, что-нибудь вроде закрытия собой амбразуры, а он не все учел и — падает под выстрелами в спину, хотя немцы-пулеметчики все-таки бегут с позиции, решили, что окружены. Полковник же, наблюдавший в бинокль за действиями Буддакова, решил, что он уничтожил пулеметное гнездо. Лешка Шестаков, по всем канонам социализма, должен был протянуть вторую нитку связи через реку — Героя обещали за это. И ведь истинное героичество проявляет, а задание выполнить не в силах. Сам еле жив остался.

Но жизнь — она даже на плацдарме жизнь. В аду, в крови, среди трупов и корещащихся от боли раненых. Тут же убит и прохиндей Олега Буддакова, убит погони лейтенанта на медичке Нэльке, переправлявшей за реку раненых, думает про себя, что "лейтенанта еще никогда не пробовал и попробует ли на этом плацдарме — положительно не решишь".

В прямой схватке с противником пробуждается первобытный, звериный инстинкт — жизнь или смерть?! Но только отскребать от крови. Упер пот, очухался от пальца и — опять

человек. И в своих раздумьях о человеке на войне, о жизни и смерти Астафьев бесстрашно соединяет низкое, бытовое, отталкивающее — с высоким, духовным. В эти рассуждения вписывается душевная трагедия Феликса Боярчика, ни за что попавшего в штрафную роту, гибель интеллигентного Васконяна — такие не могли выжить на войне... А вот кто хотел обязательно выжить — Шорохов, этот "лагерный волк", за-

ПРАВДЫ ВЛАСТЬ СВЯТАЯ

О романе Виктора Астафьева "Прокляты и убиты"

бывший все обиды от советской власти, но лелеющий мечту "достать" того полковника, который закатал его в штрафную роту...

Колоритные, очень приметливо выписанные персонажи живут в романе. Среди них вологодский колхозник сержант Финифатьев, подавленный руждой и большим семейством, рассудительный и надежный. Какой могучей волей наполнена немая мольба тяжелораненого Финифатьева к Пресвятой Богородице! И как это написано! А сибирский богатырь Коля Рындин, с верою в Бога идущий на войну, майор Зарубин, остающийся на плацдарме, несмотря на тяжелое ранение... Судьбы, судьбы... Они и есть народ. Они — Россия. И как непредставима жизнь на фронте без юмора — спасительного средства от окончательного очерствения души, — так невозможно представить прозу Астафьева без грубоватого солдатского юмора, ярко оттеняющего трагедию войны.

Не любит автор романа начальника политотдела дивизии Мусенка, который шел "вразноплес с бойцами", войны "не знал и не понимал". Он и физически непривлекателен. Были всякие политработники. Представители высоких штабов в романе — это люди из другого мира. Не меняет общей картины даже эпизод со штабным подполковником Славутичем, возглавившим налет на наблюдательный пункт противника и погибшим как герой, он — плакатен, соцреалистичен. И дело тут не только в отчуждении окопника Астафьева к тыловикам. Астафьев убежден, что значительную часть вины за неразбериху, плохую организацию переправы, огромные потери несут штабы. Не зря старый комполка Бескапустин на оперативке "назвал переправу не военной операцией, а свалкой, преступлением, грозилась куда-то писать... о безобразной подготовке к форсированию реки, об удручающих потерях..." Он бросает в лицо начальнику штаба дивизии: "Настолько грандиозные планы, что и про людей забыли! Боеприпасов нет! Продуктов нет! Зато крови много! Ею с первых дней войны супротивника заливаем..." Горькие, от отчаяния сказанные слова.

Итак, дочитана вторая книга романа "Прокляты и убиты", впереди — третья. С нетерпением ожидая ее и нарываясь на неприятности, уже сейчас скажу, что роман неподсуден новой критике. Но Астафьев — художник надолго, с невыдираемыми корнями, с забористым словом, кровотокашей душевной изнанкой, большой совестью, аввакумовской безоглядностью в страхах своих. Он один такой, что и как он напишет, — не напишет никто. "Плацдарм" — книга о войне, она, кажется, без остатка поглощает душевный ресурс художника. У меня несколько раз возникало ощущение: все, больше Астафьева не хватит, но нет — еще и еще взметнется душа, как для последнего броска на окопы противника. Есть еще силы, будет и третья книга.

Форсирование Великой реки (легко узнается Днепр), завоевание и удержание плацдарма, повлекшего огромные потери, — почти идеальный вариант для иллюстрации безответственности и грубых промахов высоких военачальников в ведении боевых действий, разгильдяйства, преступной халатности одних, находчивости и самопожертвования других. Но роман Астафьева — не иллюстрация, это щедрою кистью написанная картина плохо подготовленного, с неизменным русским "авось" рассчитанного на солдатскую безмерную выдержку побоища. Это прорыв к той правде, которая поможет лучше узнать, как мы воевали, за счет чего одерживали победы, какой ценой платили за них. Память миллионов погибших солдат взыскует об этом.

Астафьев не ограничивает себя пространством нашей войны, не случайно он проникает в стан противника и находит там и показывает живых людей, судьбы и характеры которых исковеркала война. Полевой связист, он приподнялся из окопа и глянул далеко окрест, чтобы увидеть и сказать миру, что война — общечеловеческая трагедия, убийство, преступление. Так почему человечество, догадываясь об этом, а также о том, что начинают войны, ослепленные честолюбивыми замыслами политики, расплачиваются же своими жизнями народы, — почему не может положить им конец? Вот о чем заставляет нас думать Виктор Астафьев, взывая к рассудку и совести того, кто прочтает его роман.

Ал. МИХАЙЛОВ.